МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ

изъ моего журнала, во время Персидской кампаніи (*).

15 Іюня, Генералъ-Лейтенантъ Красовскій, со своею дивизіею (кромѣ 2-й бригады) и артиллеріею, съ двумя Донскими казачьими полками, двумя піонерными ротами, выступилъ изъ монастыря Эчміадзина къ крѣпости Эривани, смѣнить тамъ Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа; сей послѣдній, 17 числа, сдавъ блокаду Генералу Красовскому, присоединился къ главному отряду, уже находившемуся на маршѣ за Зангою, при селеніи Гарничай.

39 егерьскій полкъ, съ двумя легкими орудіями, на ружейный выстрѣлъ отъ крѣпости занялъ край-

(*) Читатели конечно узнаютъ въ семъ отрывкѣ того писателя-воина, который такъ прекрасно изобразилъ намъ паденіе Эривани (Тел. № 2, 1828 г.). Отъ лица отечественной публики журналистъ осмѣливается благодарить его за вновь сообщенную любопытную статью.

ніе домы форштата, огибающаго Эривань съ сѣверной и восточной стороны; батальіонъ Крымскаго пѣхотнаго полка, также съ двумя орудіями, сталъ между лагеремъ и форштатомъ за горою Муханосата (измѣнническая). Между Ираклієвой горою и западной стѣной, въ прекрасномъ саду Сардаря, былъ расположенъ батальіонъ 40 егерьскаго полка; на горѣ Ираклієвой два батарейныхъ орудія, чрезъ каждый часъ, стрѣляли по крѣпостнымъ строеніямъ.

Почти на каждый нашъ выстрѣлъ, съ башни сѣверо-западнаго угла крѣпости, отвѣчали, или ядромъ, или 5-ти пудовою бомбою; другое орудіе, съ сѣверо-восточнаго угла, всегда дѣйствовало по дорогѣ между лагеремъ и форштатомъ.

Остальные полки и артиллерія отряда стояли лагеремъ въ каре, между дорогою, ведущею отъ переправы (*) до Эривани, и лѣвымъ берегомъ Занги, въ 3 верстахъ отъ южной стѣны крѣпости.

Въ продолженіи 2-хъ мѣсяцовъ не было капли дождя; солнце жгло; отъ чрезвычайныхъ жаровъ растрескалась поверхность земли. Глубокая пыль по дорогамъ, съ ранняго утра до вечера, нарушалась только ѣдущими повозками и скачущими казаками, съ извѣстіями и бумагами. Но въ четыре часа по полудни, регулярно всякій день, начиналъ дуть сильный сѣверный вѣтръ до полуночи, и во

(*) При селеніи Ахъ-Жилахъ.

все это время лагерь былъ покрытъ густыми облаками ѣдкой пыли; вѣтръ — срывалъ палатки!

Во время дня, скрываясь отъ жаровъ въ тѣни палатокъ, мы не имѣли покоя отъ необыкновеннаго множества мухъ. Боже сохрани, если-бъ кто либо изъ насъ захотѣлъ полакомиться чѣмъ либо сладкимъ!

Въ теченiе 3 дней я ослабѣлъ отъ зноя и безсонницы. 19 Iюня утромъ поѣхалъ я изъ любопытства на форштатъ. Прекрасно! Узенькою, извилистою улицею, между каменными стѣнами безпрерывныхъ садовъ, я ѣхалъ, какъ по аллеѣ, въ тѣни и прохладѣ. Во многихъ мѣстахъ, фруктовыя деревья, сплетясь вѣтвями надъ улицею, дѣлали густые своды. Я позавидовалъ офицерамъ, расположеннымъ на форштатѣ.

Но къ удивленiю я нашелъ тамъ полковника, командира полка, двухъ штабъ-офицеровъ, нѣсколько офицеровъ и много солдатъ заболевшими.

Пылающiе лучи солнца, съ 9ти часовъ утра до 7 вечера, разжигая каменныя строенiя форштата, дѣлали жаръ нестерпимымъ. По захожденiи солнца — еще хуже: весь форштатъ былъ, какъ вытопленная баня. Трудно было дышать; люди обливались потомъ. Къ тому-же множество комаровъ, и еще несноснѣе ихъ, какiя-то почти непримѣтныя мошки, самому сильному и утомленному дневною службою солдату, не давали заснуть на одну минуту; не было мѣста,

гдѣ-бы можно было укрыться отъ сихъ насѣкомыхъ. Солдаты нашей дивизіи, еще непривыкшіе къ здѣшнему климату, примѣтно стали ослабѣвать и болеть десятками. Въ лагерѣ также число больныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Труды были неимовѣрные. Въ продолженіе ночи, почти вся пѣхота и кавалерія нашего небольшаго отряда расходились вокругъ крѣпости, занимать важнѣйшіе пункты. Осторожность должна была выполняться строго: изъ крѣпости могли дѣлать сильную вылазку. Смѣнившись съ карауловъ, вмѣсто отдыха, солдаты должны были идти на фуражировку, за 12 верстъ отъ лагеря, ибо артиллерійскихъ, казачьихъ и полковыхъ лошадей опасно было пускать въ поле. Осадная-же артиллерія, безъ коей мы не могли противъ Эривани ничего предпринять рѣшительнаго, по вѣрному извѣстію, могла быть не прежде половины Августа. И такъ, для сбереженія людей, благоразуміе требовало удалиться въ горы.

21 Іюня, Генералъ Красовскій (*) приказалъ баталіонамъ, занимающимъ форштатъ, въ полночь тихо оставить караулы, собраться вмѣстѣ и придти въ лагерь.

Въ 3 часа по полуночи, весь отрядъ отступилъ отъ Эривани (обозы полковъ еще съ вечера были отправлены въ передъ), переправился чрезъ

(*) По предписанію Корпуснаго Командира.

Зангу, и въ полдень, уже близъ стѣнъ монастыря Эчміадзина, подъ длинными рядами артельныхъ котловъ пылалъ огонь, кипѣла кашица, во ожиданіи коей, подъ защитою палатокъ, отрядъ простывалъ послѣ перехода.

Тысячи людей, собравшихся изъ форштата и окрестныхъ деревень, со всѣмъ своимъ имуществомъ, въ Эривань, терпѣли тамъ отъ чрезвычайной тѣсноты, жара и недостатка въ продовольствіи. Въ послѣдніе дни блокады Персіяне, по 10-ти и болѣе человѣкъ ежедневно хоронили за южными воротами крѣпости. Народъ начиналъ роптать. Но Сардарь, однихъ лаская, утѣшалъ надеждою, что мы скоро снимемъ блокаду; другихъ смирялъ страхомъ и наказаніями, Наконецъ мы отступили, и все живое, заключавшееся въ тѣсныхъ и душныхъ стѣнахъ Эривани, обрадовалось, ожило.

Чтобы оставить монастырь, въ коемъ уже были до 1000 человѣкъ больныхъ, собственной своей защитѣ, надобно было укрѣпить его, оставить гарнизонъ, снабдить мѣсяца на два дровами, сѣномъ, соломою, и на всякій случай обезпечить провіантомъ надолго. По сему, на другой день, Генералъ Красовскій распорядился такимъ образомъ: всему отряду приказалъ перейдти чрезъ рѣку Абаранъ, и въ 4-хъ верстахъ отъ монастыря, на обширной и плодоносной равнинѣ, стать лагеремъ; на слѣдующій-же день велѣно за-

няться хозяйствомъ. 24-го числа, до двухъ тысячь человѣкъ, подъ приличнымъ прикрытіемъ, взявъ мирныя орудія: косы, серпы и топоры, разсыпалось по полямъ вокругъ лагеря, и одни, длинными рядами, косили траву, жали пшеницу, ячмень; другіе, въ ближайшихъ деревняхъ искали дровъ. Вездѣ раздавались громкія Русскія пѣсни; слышны были веселые разсказы, шутки. Казалось, что солдаты, припомнивъ себѣ тихую жизнь деревенскую, знакомыя поля и рѣзвую молодость, забыли о перенесенныхъ, и не думали о предстоящихъ трудахъ; работа кипѣла. На другой день вездѣ, и во кругъ лагеря, и между палатками, стояли снопы собраннаго хлѣба; поднялася молотьба; день и ночь не переставали шумѣть ручные жернова; задымился невысокій берегъ Абарана: тамъ, въ небольшихъ земляныхъ печкахъ, солдаты пекли хлѣбы, булки, лепешки — роскошь! Такимъ образомъ дѣятельность нашего отряда продолжалась шесть дней. Въ теченіе сего времени при башни монастыря были укрѣплены тремя легкими орудіями; больные и до 500 человѣкъ гарнизона были снабдены, почти на два мѣсяца, дровами, сѣномъ, соломою (*), и сверхъ сего, полки

(*) Солома и сѣно были заготовлены для продовольствія порціоннаго скота и артиллерійскихъ лошадей, оставленныхъ въ монастырѣ, на случай вылазки, при двухъ орудіяхъ.

доставили въ тамошній магазинъ до 400 четвертей пшеницы; за каждую четверть Генералъ платилъ по три рубля серебромъ.

30-го Іюня, съ разсвѣтомъ дня, 39-й полкъ, съ тяжестями всего отряда, былъ отправленъ въ горы, а по полудни въ 4 часа, и остальные полки отряда пошли туда-же.

Сѣверо-восточнымъ ущеліемъ, противъ сильнаго вѣтра, засыпавшаго солдатъ густыми облаками пыли, безпрерывно поднимаясь въ гору, отрядъ шелъ нераздѣльно, и отойдя 14 верстъ, противъ селенія Ушаканъ, въ верстѣ отъ лѣваго берега рѣки Абарана, остановился на бивакахъ; было 10 часовъ вечера.

Мѣсто лагеря было усѣяно каменьями; вокругъ ни одной былинки, и рѣдко подъ которымъ камнемъ не было тарантула, скорпіона или фаланги! При всѣхъ осторожностяхъ, взятыхъ противу сихъ смертоносныхъ гадинъ, два солдата и одинъ офицеръ были укушены. Но въ это время года, еще не совершенно созрѣвшій ядъ не могъ дѣйствовать сильно: при скорой помощи лѣкарей, опасность кончилась небольшою болью и опухолью тѣла.

На другой день, 1-го Іюля, въ 3 часа по полудни отрядъ прибылъ на мѣсто, къ урочищу *Джингули*, въ прекрасно устроенный лагерь.

Правый флангъ лагеря примыкалъ къ высокимъ, скалистымъ берегамъ рѣки Абарана; лѣвый, къ

глубокой рытвинѣ, начинавшейся отъ подошвы горы и продолжавшейся позади лагеря полукругомъ; между горою и фронтомъ лагеря, тянулась глубокая балка.

Послѣ нестерпимыхъ жаровъ, зноя, сильныхъ вѣтровъ, несносной пыли, множества всякаго рода гадинъ и насѣкомыхъ, не дававшихъ ни днемъ, ни ночью покоя, послѣ сгорѣвшей на поляхъ травы и пожелтѣвшаго хлѣба, мы вдругъ, въ горахъ, почувствовали прохладный вѣтерокъ, чистый здоровый воздухъ, и увидѣли вокругъ себя прелестную зелень, испещренную полевыми цвѣтами, увидѣли другую весну; все ожило и все прошедшее забыто!

4-го Iюля, Комендантъ Эчмiадзина, чрезъ Армянъ, писалъ къ Генералу, что Сардарь Эриванскiй, съ двумя тысячами пѣхоты и до четырехъ тысячь кавалерiи, имѣя три полевыхъ орудiя, вышелъ изъ Эривани на поля монастырскiя, и однажды приблизившись даже къ стѣнамъ Эчмiадзина, ждалъ отвѣта на письмо (*), посланное имъ наканунѣ къ Коменданту. Отвѣтъ на это письмо

(*) Вотъ вѣрный списокъ сего письма: Господин пегошнiй началникъ монастирски во первакъ пишу вас сто Масковичь (1) отнахчивана отступилъ назать пошли въ гарабать не знаю у ви зо чоемъ стаиш монастирсь я прежде вас чесни словмо говору што и дороги адамъ ступам сбогумъ где

(1) Паскевичъ.

билъ — граната, лопнувшая близъ кучи кавалерiи, окружавшей Сардаря. Съ сихъ поръ онъ уже не безпокоилъ Коменданта предложенiями. Войска его, разсыпавшись по равнинѣ близъ Аракса, довольны были тѣмъ, что могли безпрепятственно поправлять изнуренныхъ лошадей своихъ. Между тѣмъ, до тысячи человѣкъ кавалерiи, посланной Сардаремъ для наблюденiя нашего отряда, расположились на отлогостяхъ горы Алагеза, противъ нашего лагеря, и о малѣйшихъ движенiяхъ тотчасъ увѣдомляли Сардаря.

вашы генаралы пашйи и вы ступаи туды влори (2) я тепер двадцат год што манастерь мои и рука я имъ никогда никогда ни обеждалъ и по бусурманскимъ гадозамъ нисмотрилъ я манахамъ а ежели ни вериш спрашуи тамъ саак (3) архиерь правда или нетъ я какъ им смотрилъ ни слуши нерсес (4) патраарха онъ обманчикъ што я вамъ говору вы отступищъ да ступаитис а то нибудиш слушать грехъ ваши тои я уж ни буду перед богум и пед монастерумъ виноватъ уж буду силна братъ и пушками и бомбими разаридъ тепер как хочищ я вамъ говору настоящги хот апет тамъ спрашви саакъ архцера монастыра крепуста прежде разарили ди я апет строилъ я апеть вамъ говору што слуши мои слова ни делаи грех што разаритъ монастерски крепуста и домовъ какъ хочи и котори хочиш думи и делаи.

(2) Въ Джеладъ-Оглу;

(3) У Архiерея Исаака.

(4) Нерсесъ Архiепископъ.

Генералъ Красовскiй, предполагая на вѣрное застать Персiянъ на равнинѣ монастырской, не говоря никому о своемъ намѣренiи, приказалъ, 5-го Iюля, двумъ баталiонамъ, двумъ легкимъ и двумъ коннымъ орудiямъ, въ 9 часовъ вечера быть готовыми къ выступленiю въ походъ. Во время темной ночи, ущелiями, по дурной дорогѣ, безъ привала, баталiоны спѣшили въ монастырь и съ разсвѣтомъ дня были отъ онаго въ четырехъ верстахъ, на послѣднемъ возвышенiи. Но Персiянъ уже не было! Не говоря о самомъ Генералѣ, Штабъ и Оберъ-Офицерахъ, всѣ солдаты досадовали на трусость непрiятеля.

Пришедъ въ монастырь, мы узнали, что Персiяне еще вчера вечеромъ бродили по полямъ въ недальномъ разстоянiи отъ стѣнъ Эчмiадзина, и вдругъ, въ полночь, ушли въ крѣпость Сардаръ-Абадъ!

Не смотря на всѣ предосторожности, взятыя Генераломъ при выступленiи изъ лагеря, Сардарь уже зналъ объ ономъ. Шпiоны, вообще Армяне, и Персiянами и нами употребляемые, несравненно лучше служили имъ, ибо, поймавъ нашего шпiона, они рѣжутъ ему носъ, уши, выкалываютъ глаза, сдираютъ съ лица кожу и дѣлаютъ всевозможныя жестокости. Напротивъ того, ихъ шпiоновъ, между множествомъ Армянъ-маркитантовъ, торгующихъ всякою всячиною въ лагерѣ, трудно отыскать, а если и случалось иногда, то подержатъ его подъ карауломъ, высѣкутъ — и только.

До 6-го Августа, и въ лагерѣ нашемъ при Джингулѣ и изъ онаго, по дорогѣ сообщенія, до Джелалъ-Оглу и до монастыря, со стороны непріятелей не было никакого препятствія. Лишь однажды, до 200 разныхъ полковыхъ повозокъ, отправленныхъ изъ лагеря въ монастырь, съ сѣномъ, подъ прикрытіемъ одного баталіона и одного легкаго орудія, возвращаясь назадъ, на равнинѣ Аштаракской были встрѣчены и атакованы Персіянами, коими командовалъ самъ Сардарь, имѣя до трехъ тысячъ кавалеріи, 1000 пѣхоты и три орудія; но храбрый баталіонъ Крымскаго пѣхотнаго полка, состоявшій изъ 470-ти человѣкъ, отразилъ Персіянъ, и не потерявъ ни одной повозки, благополучно возвратился въ лагерь.

Между тѣмъ, отрядъ нашъ въ горахъ, съ приближеніемъ громовъ осадной артиллеріи, и съ нею значительнаго прибавленія войскъ, какъ туча грозная, приготовлялся разразиться надъ Эриванью. Сардарь зналъ это и всѣ средства употребилъ для сильнѣйшей обороны крѣпости, въ которой онъ, проживъ 23 года, состарѣлся, отразивъ нѣсколько штурмовъ. На ружейный выстрѣлъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ, ближайшія строенія форштата были уничтожены; гласисъ отъ юго-восточнаго угла крѣпости къ сѣверу, во многихъ мѣстахъ былъ значительно возвышенъ; лучшее украшеніе окрестностей Эривани, прекрасный противъ гарема садъ, насажденный и воспитанный самимъ Сардаремъ, гдѣ

старикъ, въ лѣтнее время, въ прохладной тѣни высокихъ, гордыхъ тополей, любилъ прохаживаться, отдыхать — былъ вырубленъ до послѣдняго деревца. Кромѣ сего, на цѣлую зиму, для гарнизона и жителей, запасено провiянта, и даже, какой-то Армянинъ вылилъ пребольшую мѣдную пушку, но неудачно: почти на всю ея дульную часть недостало растопленнаго металла!

Такими средствами Сардарь приготовлялся намъ дать сильный отпоръ; но предвидя, что Эривань падетъ, хитрый старикъ писалъ къ Аббасъ-Мирзѣ, что Эривань освобождена отъ блокады и, говорятъ, при сей вѣрной окказiи, не упустилъ сказать ему, что причиною сего отступленiя — были его мужество и благоразумныя распоряженiя. Далѣе, что Руcкiе, оставя въ монастырѣ Эчмiадзинѣ множество больныхъ и небольшiй гарнизонъ, отступили въ горы; что нашъ отрядъ малочисленъ, составленъ изъ молодыхъ неопытныхъ солдатъ, и что ничего нѣтъ легче, какъ разбить его, завладѣть монастыремъ, и наконецъ, истребивъ осадную артиллерiю, движущуюся чрезъ Безобдалъ съ великою трудностiю, возвратиться на пораженiе Генерала Паскевича, водворя во всей Эриванской провинцiи спокойствiе.

Послѣ не удачи, случившейся съ Персидскою кавалерiею 5 Iюля, за Араксомъ, въ виду крѣпости Аббасъ-Абада, увѣдомленiе Сардаря было самое лестное для Аббасъ-Мирзы. Собравъ всѣ свои лучшiя

войска, бросился онъ къ Эривани, и уже мысленно истребивъ нашъ отрядъ, торжествовалъ воображаемую побѣду.

Августа 6-го Аббасъ-Мирза съ 10-ю тысячами пѣхоты, до 20-ти тысячь кавалерiи, и съ 22-мя артиллерiйскими орудiями — показался на равнинахъ Эчмiадзинскихъ.

8-го Августа, съ частiю лучшей своей пѣхоты и кавалерiи пришелъ онъ къ селенiю Акаракъ, по правую сторону рѣки Абарана, и впереди онаго разбилъ свой лагерь.

10-го Августа, въ 9-ть часовъ утра, до 5-ти тысячь Персидской кавалерiи, толпами въ разныхъ мѣстахъ, на поляхъ между горою Алагезъ и правымъ берегомъ Абарана, противъ нашего лагеря, гордо разъѣзжали предъ аванпостами нашихъ казаковъ, кои мало по малу, *маяча*, сближались между собою и непримѣтно соединившись до 50-ти человѣкъ, начали изрѣдка стрѣлять въ Персидскiе передовые разъѣзды. Двѣ сотни казаковъ, посланныхъ изъ лагеря на подкрѣпленiе ихъ товарищей, также присоединившись, отвѣчали на выстрѣлы Персидскихъ наѣздниковъ; вдругъ казаки крикнули *ура*, бросились съ занимаемой ими высоты, и скрывшись въ долинѣ, гдѣ противъ нихъ стояла партiя непрiятельской кавалерiи, прогнали ее на слѣдующую высоту, ссадили съ коней двухъ отличныхъ наѣздниковъ и возвратились на преж-

нее свое мѣсто. Въ продолженiе сего времени, въ 4-хъ верстахъ отъ правой стороны Абарана, у подошвы горы Алагезъ, на отрубистомъ возвышенiи, неподвижно стояла куча непрiятельской кавалерiи. Послѣ узнали мы, что тамъ находился самъ Аббасъ-Мирза; въ этотъ день онъ разсматривалъ мѣстоположенiе нашего лагеря, и съ огорченiемъ нашелъ его неприступнымъ; войска-же наши, по словамъ Сардаря неопытныя, молодыя, показались ему храбрыми и хорошо устроенными, ибо въ часъ по полудни, Генералъ Красовскiй, желая осмотрѣть Персидскiй лагерь при Акаракѣ, приказалъ двумъ баталiонамъ пѣхоты и двумъ легкимъ орудiямъ переправиться на ту сторону рѣки, и оставя Персидскую кавалерiю разъѣзжающую справа и тылу—двинулся къ непрiятельскому лагерю. Увидя сiе, Аббасъ-Мирза, съ окружающею его толпою, оставилъ неприступное свое наблюдательное возвышенiе, и близъ подошвы горы поскакалъ въ свой лагерь; остальная кавалерiя, кучами, одна другую обгоняя, понеслась по слѣдамъ своего повелителя, и соединившись впереди нашихъ баталiоновъ, верстахъ въ 2-хъ, продолжала движенiе шагомъ. Баталiоны шли за ними сперва по ровному полю, но послѣ 3-хъ верстъ, глубокiя рытвины и каменистая отлогость горы Алагезъ затруднили движенiе нашихъ орудiй; на четвертой верстѣ у обоихъ орудiй сломались боевыя оси; оставивъ прикрытiе, баталiоны продолжали идти

впередъ. Двѣ сотни казаковъ сопровождали Генерала Красовскаго.

Не доходя до непрiятельскаго лагеря 3 версты, гдѣ уже и для пѣхоты дорóга была весьма трудная, Генералъ остановился. Персидская кавалерiя сидѣла на коняхъ; пѣхота стояла въ ружьѣ.

Осмотрѣвъ мѣстоположенiе лагеря ихъ, Генералъ нашелъ его неприступнымъ: правымъ флангомъ лагерь примыкалъ къ высокимъ и скалистымъ берегамъ рѣки Абарана; лѣвымъ къ горѣ Алагезу, а съ переди глубокiя рытвины и каменистая поверхность земли обезпечивали ихъ отъ нашей артиллерiи. Генералъ возвратился назадъ, и въ 7-мъ часовъ вечера прибылъ въ свой лагерь.

На другой день, со стороны Персiянъ не было ни малѣйшаго предпрiятiя, чего мы никакъ не ожидали. Штабъ-Офицеръ, съ одною пѣхотною ротою и однимъ легкимъ орудiемъ, ѣздилъ по нашу (лѣвую) сторону Абарана, и возвратившись донесъ, что непрiятельскiй лагерь на томъ-же мѣстѣ, и въ совершенномъ бездѣйствiи. Вечеромъ, на закатѣ солнца, по лѣвую сторону лагеря, по отлогости горы Алагезъ, пылали во множествѣ огни: Персiяне зажгли высохшую траву и кустарники; мы не понимали сего дѣйствiя. Но на другой день, 13-го Августа, Генералъ Красовскiй, пригласивъ съ собою Инженеръ-Генерала Трузсона, въ сопровожденiи 50-ти казаковъ, по дорогѣ къ Эчмеадзину, поѣхалъ осмотрѣть непрiятельскiй лагерь. Вскорѣ

послѣ его отъѣзда, со всѣхъ нашихъ аванпостовъ, прискакали казаки съ увѣдомленіемъ, что непріятельская кавалерія, въ большихъ силахъ, снявъ два казачьихъ бекета, приближается къ лагерю. Вся наша пѣхота стала въ ружье; артиллерія запрягла лошадей и, съ приличнымъ прикрытіемъ, нѣсколько орудій выѣхало на выгодныя возвышенія съ тылу и лѣваго фланга лагеря. За Генераломъ Красовскимъ посланъ баталіонъ, съ однимъ орудіемъ. Между тѣмъ, Персидская кавалерія показалась на всѣхъ возвышеніяхъ, окружавшихъ лагерь, и начала приближаться къ оному. Мы, готовые ихъ встрѣтить, ждали, не дѣлая шагу впередъ; они медленно приближались къ намъ, подъѣхали на выстрѣлъ — и нѣсколько ядеръ и гранатъ, брошенныхъ въ ихъ толпы, остановили оныя, разсѣяли. Персіяне поскакали на прежнія возвышенности и скрылись за ними. Между тѣмъ возвратился Генералъ Красовскій съ рекогносцировки; отъ него узнали мы, что до 500 человѣкъ Персидской кавалеріи, закравшейся прошедшею ночью, въ 7-ми верстахъ отъ нашего лагеря, въ ущелья горы *Карнырыхъ*, отъ коей до самаго Абарана, чрезъ дорогу въ монастырь, идетъ глубокая рытвина, выжидали тамъ нашего небольшаго отряда, ежедневно посыланнаго за 15-ть верстъ, для узнанія чрезъ телеграфъ Эчміадзинскій о состояніи монастыря. Персіяне сіе давно уже примѣтили, и прошедшею ночью, въ вышесказанномъ ущельѣ, сдѣ-

вали засаду; но 5-ть казаковъ, при расторопномъ офицерѣ, ѣхавшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди Генерала, замѣтили скрывавшихся въ ущельѣ Персiянъ; тотчасъ они повернули назадъ и извѣстили о семъ Генерала. Персiяне закричали дикими голосами, кинулись изъ ущелья за казаками, но поздно: Генералъ возвратился; казаки слѣдовали за нимъ; Персiяне ихъ преслѣдовали; но увидя батальоны и орудiе, посланные къ Генералу, съ извѣстiемъ объ атакѣ лагеря, остановились, подумали и — возвратились во свояси: это была атака!

Аббасъ-Мирза, прошедшею ночью, разослалъ до 10-ти тысячь кавалерiи вокругъ нашего лагеря, съ намѣренiемъ атаковать насъ, тотчасъ на разсвѣтѣ.

Въ этотъ-же день къ обѣду, мы ждали въ лагерь Тифлисскаго Генералъ-Губернатора Сипягина, ѣхавшаго къ намъ изъ Кара-баба, отъ Генерала Паскевича, съ важными дѣлами, какъ въ отношенiи нашего продовольствiя, движенiя осадной артиллерiи, такъ и въ отношенiи осады Эривани. Въ самое это время, когда съ тылу нашего лагеря, по дорогѣ къ Судагену, переправившаяся непрiятельская кавалерiя, въ ожиданiи переправляющейся за нею до трехъ тысячь пѣхоты, разсѣялась безъ опасности по возвышенностямъ лѣвой стороны дороги, приближался къ намъ Генералъ-Губернаторъ съ баталiономъ Севастопольскаго полка и однимъ легкимъ орудiемъ. Ничего не зная о намѣренiяхъ Аббасъ-Мирзы, онъ тотчасъ приказалъ двумъ ро-

шомъ, разсыпавъ впереди себя стрѣлковъ, прогнать непріятельскую кавалерію далѣе въ гору, а орудія, подъ прикрытіемъ другихъ двухъ ротъ, взбѣжать на возвышеніе къ рѣкѣ, и стрѣлять по непріятельской пѣхотѣ, переправляющейся чрезъ Абаранъ. Отъ 4-хъ выстрѣловъ все разсыпалось и бросилось назадъ за Абаранъ. Генералъ-Губернаторъ прибылъ въ лагерь безпрепятственно. Такимъ образомъ, мудрыя предпріятія Аббасъ-Мирзы и угро грозной его аттаки кончились тѣмъ, что посреди угрюмыхъ снѣжныхъ горъ, на небольшой между ими равнинѣ, уже пожелтѣвшей отъ палящихъ лучей солнца, среди горсти войскъ, томимыхъ медленнымъ движеніемъ осадной артиллеріи и бездѣйствіемъ, Губернаторъ былъ принятъ радостно: нарядный караулъ и прекрасная музыка Крымскаго полка встрѣтили его, не какъ въ пустынѣ дикой, но какъ въ одной изъ столицъ благословенной Россіи.

Тотчасъ по пріѣздѣ Генералъ-Губернатора узнали мы, что осадная артиллерія, раздѣленная на три транспорта, уже перевозится черезъ Памбу и вскорѣ прибудетъ къ намъ; что въ слѣдъ за нею идетъ большой транспортъ съ провіантомъ, и что послѣ всего этого намъ останется двинуться къ Эривани и начать дѣло, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаютъ — и ГОСУДАРЬ и Россія. Это извѣстіе обрадовало всѣхъ до чрезвычайности: всякій изъ насъ понималъ, что осада Эривани есть дѣло

для нашего отряда славное, и что съ паденіемъ сей крѣпости кончится упомянутельная война съ народомъ вѣроломнымъ.

Слухъ о скоромъ движеніи нашего отряда къ Эривани тотчасъ разнесся по всему лагерю, и на лицѣ каждаго солдата видно было удовольствіе. Русскія веселыя пѣсни отзывались въ окружающихъ насъ горахъ, до вечерней зари.

Тысячъ шесть непріятельской кавалеріи, подъѣзжавшей поутру къ нашему лагерю, съ праваго фланга и тыла, отступивъ, густыми толпами бродило на поляхъ между горою Алагезъ и правымъ берегомъ Абарана, въ 6-ти верстахъ ниже нашего лагеря.

Послѣ обѣда, Генералъ Красовскій предложилъ Генералъ-Губернатору быть свидѣтелемъ храбрости Персидской кавалеріи. Двѣ сотни казаковъ, два баталіона и два легкихъ орудія тотчасъ были переправлены чрезъ Абаранъ и слѣдовали за Генералами, прямо къ подошвѣ горы Алагеза. Непріятельская кавалерія, видя себя отрѣзанною отъ лагеря, также двинулась къ Алагезу. По мѣрѣ, какъ наши батальоны сближались съ нею, кавалерія ускоряла свое движеніе, и вскорѣ рысью кинулась къ горѣ, Прежде тѣмъ мы подошли къ ручью, текущему по камнямъ, между довольно крутыми берегами, около подошвы горы, Персіяне заняли, и какъ саранча усыпали собою, всѣ холмы, возвышавшіеся одни послѣ другихъ, по сѣверо-восточной отлогости Алагеза.

Оставивъ баталіоны и орудіе у ручья, оба Генерала, въ сопровожденіи двухъ сотенъ казаковъ, въѣхали на первое возвышеніе; со слѣдующаго, изъ-за камней, Персіяне открыли ружейный огонь. Нѣкоторые изъ ихъ наѣздниковъ, на быстрыхъ лошадяхъ, спускались къ нашимъ казакамъ и перестрѣливались. Кончилось тѣмъ, что баталіонная колонна егерей, съ разсыпанными предъ нею стрѣлками, занимая одно послѣ другаго возвышеніе, и напослѣдокъ, прогнавъ всю непріятельскую кавалерію въ ущелье, возвратилась, не потерявъ ни одного солдата. Было 6-ть часовъ вечера. Отрядъ возвратился въ свой лагерь. На другое утро, непріятельская кавалерія, вчера прогнанная нами, разсыпавшись по полю, зажгла его, желая тѣмъ лишить насъ подножнаго корма: мы смѣялись, ибо горѣла высохшая, негодная для насъ трава; на сырыхъ же низменныхъ мѣстахъ, зеленая, оставалась невредимою. Въ два часа по полудни, Персіяне, оставивъ пылающія поля, съ важностію потянулись къ своему лагерю, уже перенесенному отъ Акарана къ селенію Ушагану, и расположенному при самомъ берегѣ рѣки Абарана, въ окрестностяхъ горы, имѣющей видъ конуса.

Наконецъ, Аббасъ-Мирза, испытавъ невозможность вредить нашему при Джингулѣ лагерю, возсѣлъ на высотѣ *Ушаганской* горы, усѣянной пѣхотою, кавалеріею, пушками, и съ важностію любовался на дѣйствіе своего блокаднаго отряда при Эчміадзинѣ, и на пылающія вокругъ нашего лагеря

горы и поля. Кромѣ сего, ежедневно ожидалъ онъ съ нетерпѣніемъ пріятнѣйшихъ вѣстей отъ кавалеріи, посланной имъ къ *Гумраму*, и по сторонамъ всей дороги нашего продовольствія, до горы Безобдалъ.

Между тѣмъ, Генералъ Красовскій, чрезъ Армянъ, получилъ отъ Эчміадзинскаго Коменданта рапортъ, а отъ Архіерея Нарцеса письмо. Тотъ и другой увѣдомляли его, что Юсупъ-Ханъ, начальникъ артиллеріи, оставленный Аббасъ-Мирзою съ войсками на поляхъ монастырскихъ, перенося свой лагерь отъ одного мѣста къ другому, наконецъ основалъ оный, *за длинною* стѣною монастырскаго сада, отстоящаго отъ Эчміадзина въ двухъ верстахъ; что изъ вырубленныхъ въ саду фруктовыхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, приготовивъ фашины, туры — въ двухъ стахъ саженяхъ противъ восточной стѣны монастыря — построилъ онъ баттареи; что уже другой день, изъ трехъ батарейныхъ орудій бросаетъ ядра и гранаты, которые, хотя по сіе время не сдѣлали монастырю никакого вреда, но далѣе Юсупъ Ханъ писалъ къ Нарцесу — «буде ты добровольно не отворишь мнѣ ворота, окружу монастырь всею артиллеріею, пушками, мортирами, и — раззорю его до основанія! Тогда уже, Нарцесъ, грѣхъ будетъ лежать на твоей душѣ!» — Получивъ отъ Архіерея неудовлетворительный отвѣтъ, Юсупъ-Ханъ, 17-го Авгу-

ента, рѣшился дѣйствовать по монастырю изъ всей своей артиллеріи.

14-го и 15-го Августа, въ стороне Эчміадзина, въ горахъ, окружавшихъ нашъ лагерь, отзывались пушечные выстрѣлы и безпокоили Генерала Красовскаго. Ежеминутно ожидая осадной артиллеріи, и съ нею Кабардинскаго полка, онъ крѣпился въ нетерпѣливомъ желаніи, съ горстію людей, идти къ монастырю, противъ Аббасъ-Мирзы. Напослѣдокъ, 16-го Августа, сильнѣйшая прежнихъ канонада, начавшаяся съ ранняго утра, гремѣла на равнинѣ монастырской до полудня. Генералъ вышелъ изъ терпѣнія. « Монастырь въ опасности, » говорилъ онъ, « надобно идти ! »

Въ 4 часа вечера, отслуживъ съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ, послѣ коего Севастопольскаго полка Протоіерей, по случаю нашего движенія, сказалъ солдатамъ прекрасную рѣчь, всѣхъ окропилъ водою, четыре батальона до 3000 пѣхоты, 12 орудій и 500 казаковъ, съ громкими пѣснями — двинулись въ гору, по дорогѣ къ Эчміадзину! Легкія артельныя повозки, нагруженныя 10-ти дневнымъ провіантомъ, составляли обозъ отряда.

Поднявшись на возвышеніе, противъ селенія Сагму-Савангъ, мы были замѣчены непріятельскими разъѣздами, всегда наблюдавшими насъ по всей правой сторонѣ Абарана. Всѣ они опрометью поскакали къ своему лагерю, съ увѣдомленіемъ о нашемъ движеніи. Чрезъ полчаса и мы увидѣли, что

по всему Персидскому лагерю, расположенному на горѣ, и вокругъ оной при Ушаганѣ, поднялась густая пыль, и безпрестанно увеличиваясь, распространялась по дорогамъ къ Эчміадзину и Сардаръ-Абаду. Всѣ мы навѣрное полагали, что лагерь ихъ при Ушаганѣ снялся, и поскакалъ на равнину монастырскую, для общаго соединенія войскъ.

Предположеніе, что Аббасъ-Мирза, при первомъ движеніи нашего отряда къ Эчміадзину, уже заранѣе приказалъ всѣмъ силамъ своимъ тотчасъ соединяться близъ монастыря, съ намѣреніемъ — дать намъ рѣшительное сраженіе, радовало каждаго, и никто не думалъ при томъ, что Персидскія войска были сильнѣе нашихъ въ 10-ть разъ.

Восемь мѣсяцовъ, какъ наша 20-я дивизія находилась въ Грузіи, и перенося необыкновенные труды, какъ въ отношеніи здѣшняго климата, труднаго продовольствія людей и лошадей, такъ и въ отношеніи безпрерывныхъ движеній, по гористымъ, необработаннымъ дорогамъ, переправлялась, во всякое время года, въ бродъ чрезъ каменистыя и быстрыя рѣки, имѣя противъ себя непріятелей, не ищущихъ но убѣгающихъ насъ, все сіе вмѣстѣ, давно уже поселило въ солдатахъ нашихъ сильное желаніе къ бою, который наконецъ, казалось, завтра уже наградитъ насъ за восьми-мѣсячное терпѣніе, и тѣмъ еще лестнѣе, что самъ Аббасъ-Мирза, съ лучшими своими войсками, находился противъ нашего отряда.

Спустившись на долину прошивъ Сагну-Саванга, отрядъ нашъ, въ боевомъ порядкѣ, остановился ночевать; было 9 часовъ вечера.

17-го Августа, первые лучи солнца, выходящаго изъ-за горы *Карныярыхъ*, уже застали отрядъ нашъ въ 4-хъ колоннахъ, поднимающимся по продолжительной, каменистой отлогости на возвышенiе, идущее поперегъ нашего пути отъ с. *Аштаракъ*. Дорога часъ отъ часу становилась каменистѣе, труднѣе; артиллерiя, прыгая по каменьямъ, гремѣла въ извилинахъ ущелiй, трещали оси, колеса, отъ лошадей вздымался густый паръ, но все шло безостановочно.

Въ 7 часовъ утра, казаки и первая колонна съ двумя конными орудiями, остановились на скалистомъ возвышенiи, тянущемся, въ переди нашей дороги, отъ с. *Аштаракъ*. Спускъ съ сего возвышенiя былъ изъ всѣхъ самый убiйственный для нашей артиллерiи.

Въ ожиданiи, пока аррiергардъ и обозъ, по причинѣ трудной дороги нѣсколько растянувшiйся, присоединится къ первымъ колоннамъ, Генералъ приказалъ сдѣлать привалъ. Остановивъ 6 легкихъ своихъ орудiй, я тотчасъ приказалъ подъ ящиками перемѣнить двѣ надломившiяся оси, а самъ поскакалъ впередъ на возвышенiе, гдѣ Генералъ Красовскiй, съ окружающими штабъ-офицерами, въ зрительную трубку разсматривалъ что-то и *прямо* и на *право* за Абаранью. При-

скакавъ на возвышенiе — я удивился: все пространство по правую сторону рѣки было усѣяно непрiятельскою кавалерiею! Гора при Ушаганѣ, которая вчера, казалось намъ, была оставлена Персiянами, тоже была покрыта ихъ войскомъ и еще, въ нашихъ глазахъ, укрѣплена баттареями. По нашей-же (лѣвой) сторонѣ Абарана, вправо отъ Ушаганской горы, на возвышенiи, въ боевомъ порядкѣ стояло до 10-ти тысячь Персидской пѣхоты съ артиллерiею.

Между тѣмъ временемъ, пока Генералъ, въ ожиданiи приближающагося аррiергарда, разсматривалъ непрiятельскiя силы и намѣренiя, вдругъ, съ высоты каменистаго холма, примыкавшаго своими отлогостями къ правому берегу Абарана и къ дорогѣ, по коей шли и останавливались наши колонны, показалось до 300 Персидской кавалерiи; смѣлѣйшiе изъ нихъ, спѣшившись съ лошадей, залегли между каменьями, и по нашимъ колоннамъ, артиллерiи и обозу, остановившимся на дорогѣ, открыли ружейный огонь; но пули ихъ не долетали. Взводъ Егерьскихъ стрѣлковъ бросился на холмъ, и прежде чѣмъ вскарабкался на оный — Персiяне ускакали назадъ, за Абаранъ.

Между тѣмъ двѣ кавалерiйскiя колонны, числомъ до 5-ти тысячь, еще до нашего прихода переправившiяся чрезъ рѣку и скрывавшiяся въ глубокой рытвинѣ при дорогѣ, по коей намъ надлежало идти, вдругъ, какъ двѣ черныя тучи, выдвину-

лись впередъ, и въ ожиданiи, пока остальные присоединятся къ нимъ, стали неподвижно. Но прежде чѣмъ остальные изъ рытвины присоединились къ колоннамъ, граната полупудоваго нашего батарейнаго орудiя засвистала въ воздухѣ и — обѣ колонны взволновались; упала въ одну изъ оныхъ, лопнула — и вся кавалерiя, въ безпорядкѣ, какъ вихрь пронеслась черезъ дорогу на противоположную высоту!

Уже Генералъ Красовскiй видѣлъ, что Аббасъ-Мирза, еще вчерашнимъ вечеромъ извѣстясь о нашемъ движенiи къ Эчмiадзину, двинулъ всѣ свои силы къ Ушагану, и разставивъ ихъ по всѣмъ возвышенiямъ, окружавшимъ нашу дорогу, лучше сказать ущелiе, по коему намъ *неминуемо* должно было слѣдовать къ Эчмiадзину, ждалъ насъ съ нетерпѣнiемъ. Но примѣтя, что мы, остановившись на возвышенiи, противъ котораго ему не было возможности предпринять ничего въ свою пользу, медлили, не шли впередъ, вообразилъ себѣ, что мы, устрашившись его силъ, разсыпанныхъ по всѣмъ высотамъ, думаемъ отступить въ свой лагерь. При семъ мнѣнiи, совсѣмъ не во время, не кстати, *въ нашихъ глазахъ*, Аббасъ-Мирза употребилъ *военную хитрость*: всей пѣхотѣ своей, съ артиллерiею, приказалъ онъ отодвинуться назадъ къ рѣкѣ и тамъ *спрятаться* въ балку. Генералъ нашъ улыбнулся: «*Каковъ Аббасъ-Мирза!*» сказалъ онъ полковымъ

командирамъ, собравшимся къ нему за приказанiемъ. Сдѣлавъ распоряженiе, весь отрядъ нашъ тронулся впередъ.

Семь колоннъ (каждая до 400 человѣкъ), спустившись, такъ сказать, въ пространную яму, края коей были усѣяны непрiятельскими войсками, спокойно шли по сторонамъ дороги слѣдующимъ порядкомъ: по правую сторону дороги два батарейныхъ, по лѣвую два легкихъ орудiя; за первыми одна колонна, за вторыми другая 39-го егерьскаго полка; за сими, съ четырью легкими орудiями, слѣдовали другiя двѣ колонны, Крымскаго пѣхотнаго полка; послѣ тянулся обозъ. По правую сторону обоза, (по всей его длинѣ) въ четырехъ небольшихъ колоннахъ, для подкрѣпленiя боковыхъ стрѣлковъ, шелъ сводный батальонъ; по лѣвую сторону обоза шла наша кавалерiя — 500 казаковъ; напослѣдокъ, въ аррiергардѣ, подъ командою Генералъ-Инженера Труз-сона, также въ двухъ колоннахъ, шелъ 40-й егерьскiй полкъ, имѣя при себѣ два батарейныхъ и два легкихъ орудiя.

Лишь только первыя колонны поравнялись противъ Ушаганской горы, какъ вдругъ, съ устроенной на ней батареи, изъ 4-хъ 12-ти фунтовыхъ орудiй, открыли по насъ сильный огонь; но ядра ложились по сторонамъ дороги, а гранаты, всѣ до одной, лопались въ воздухѣ. Отрядъ безмолвствуя продолжалъ идти впередъ. Вмѣстѣ съ дѣйствi-

емъ баттарей, вся спрятавшаяся предъ симъ въ балкѣ непріятельская пѣхота, отъ лѣвой стороны Абарана высыпала на возвышеніе, огибавшее насъ спереди, и поспѣшно потянулась къ дорогѣ, по которой мы слѣдовали. Въ тоже время, до 5-ти тысячь кавалеріи, разсыпанной по лѣвую сторону дороги, по всѣмъ возвышеніямъ и ихъ отлогостямъ, также потянулось къ дорогѣ. Намѣреніе ихъ было прекрасное: кавалерія и пѣхота, соединившись впереди насъ у дороги, и окруживъ съ фланговъ, могли-бы заставить насъ очищать путь штыками, могли-бы замедлить наши движенія, даже — остановить на нѣкоторое время. Но прежде чѣмъ Персіяне успѣли соединиться, двѣ передовыя наши колонны, съ двумя конными, двумя легкими и двумя батарейными орудіями, взбѣжали на высоту, устроились, открыли огонь, и — непріятельская кавалерія разсыпалась и ускакала за выстрѣлы; пѣхота остановилась и взволновалась; но вскорѣ, собравшись съ духомъ, начали стрѣлять по нашимъ колоннамъ; дѣло пошло въ завязку.

Тутъ изъ селенія Аштаракъ до трехъ тысячь Персидской кавалеріи, переправившись черезъ рѣку, по каменному мосту, толпились около нашихъ арріергардныхъ колоннъ, и съ отвратительнымъ крикомъ бросались на оныя; но мѣткіе картечные выстрѣлы двухъ легкихъ орудій, отступавшихъ по дорогѣ, между колоннами егерей,

и два легкихъ-же орудія, выстроившіяся по лѣвую сторону дороги на возвышеніи, занятомъ нашими двумя первыми колоннами, опрокидывали дерзкихъ наѣздниковъ, и разсыпали бѣснующіяся толпы ихъ кавалеріи.

Непріятельская артиллерія, открывшая огонь съ Ушаганской горы, съ жаромъ между тѣмъ, продолжала стрѣлять, до тѣхъ поръ, пока нашъ арріергардъ, миновавъ ихъ выстрѣлы, началъ подыматься на возвышеніе. Кромѣ дѣйствія сихъ орудій, еще шесть, перейдя въ бродъ рѣку и построившись на скатѣ, идущемъ отъ дороги къ Абарану, открыли пальбу немилосердную. Но будучи ниже поверхности, по коей шла дорога, всѣ Персидскія ядра далеко перелетали за оную и вредили — своей кавалеріи: казалось, что сіи орудія защищали лѣвый флангъ нашихъ колоннъ.

Первыя двѣ колонны, быстро занявшія высоту и разрушившія намѣреніе Персіянъ — отрѣзать намъ къ монастырю дорогу — отступили на предыдущее возвышеніе. Слѣдующія-же за ними, среднія двѣ колонны, заняли ихъ мѣста, и при помощи тѣхъ-же орудій, продолжали удерживать непріятеля, пока смѣнили ихъ арріергардныя колонны и 40-й егерьскій полкъ. Между тѣмъ, восемь непріятельскихъ орудій, съ тыла и лѣваго фланга, открыли огонь по нашимъ баттареямъ и вдоль обоза.

Такимъ образомъ, подъ сильнымъ огнемъ непрія-

тельской артиллерiи, встрѣченныя спереди и справа сильною пѣхотою, а съ тыла и лѣваго фланга тѣснимыя многочисленною кавалерiею, всѣ колонны маленькаго нашего отряда, не потерявъ ни одной повозки, очистили себѣ дорогу непроходимую, и въ прежнемъ орядкѣ продолжали слѣдовать къ Эчмiадзину; два батарейныхъ, четыре легкихъ и два конно-казачьихъ орудiя, отступая, дѣйствовали прекрасно.

Послѣ сего 40-й егерскiй полкъ съ четырьмя орудiями отступая 6-ть верстъ безсмѣнно, и почти безъ подкрѣпленiя, дѣйствовалъ противу большой половины непрiятельскихъ войскъ, часъ отъ часу сильнѣе и сильнѣе напиравшихъ на него съ выгодныхъ возвышенiй. Люди начинали выбиваться изъ силъ. Генералъ Красовскiй, въ предположенiи, что непрiятель въ большихъ силахъ долженъ насъ встрѣтить отъ монастыря, не могъ отъ передовыхъ колоннъ отдѣлить къ аррiергарду подкрѣпленiя.

Насталъ полдень; жаръ сдѣлался нестерпимымъ; гористое, усыпанное каменьями мѣстоположенiе затрудняло движенiе, не только артиллерiи, но и пѣхоты. Люди, съ ранняго утра не имѣя капли воды и утомленные уже 5-ть часовъ продолжающимся сраженiемъ, начинали обезсилѣвать. Непрiятельская пѣхота напирала; подкрѣпленiя нашимъ не могло быть; но сраженiе кипѣло: картечные выстрѣлы нашихъ орудiй устилали мѣсто сраженiя

шрупами непріятельскими; 40-й егерскій полкъ превосходилъ всякую мѣру храбрости.

До подошвы горы, откуда начиналась пространная Эчміадзинская равнина, оставалось четыре версты; но эти четыре версты для 40-го Егерскаго полка и артиллеріи, дѣйствующей съ нимъ, были убійственными. Мы должны были безпрестанно стрѣлять, спускаться съ горъ, и по сторонамъ каменистой дороги, запертой обозами, встрѣчая рытвины, овраги, подъ сильными выстрѣлами непріятельской артиллеріи, всегда дѣйствовавшей съ высотъ, командующихъ нашими, взбираться на какой нибудь скалистый пригорокъ, и съ онаго, сдѣлавъ два, три выстрѣла — продолжать отступленіе!

Усталость людей доходила до изнеможенія; убыль до невозможности дѣйствовать артиллеріею. Многіе изъ лучшихъ солдатъ, не будучи ранены, съ принадлежностью въ рукахъ, падали при своихъ орудіяхъ, и облокотясь на камень, казалось, хладнокровно отдыхали подъ градомъ пуль и ядеръ непріятельскихъ. Нѣсколько разъ Персидская кавалерія бросалась на орудія; но, благодаря ихъ трусости, слабые ружейные выстрѣлы утомленнаго прикрытія, прогоняли ихъ прочь, далеко. Между тѣмъ, орудія съ великимъ трудомъ брались на передокъ и до слѣдующаго дѣйствія отступали, съ полумертвою прислугою. Но этого мало. Среди всеобщаго изнеможенія

арріергардныхъ войскъ, непріятельское ядро раздробляетъ ось батарейнаго орудія, дѣйствующаго на бугрѣ, по правую сторону дороги, среди изнемогшаго егерьскаго полка, сильно тѣснимаго непріятельскою пѣхотою и кавалеріею; тогда, какъ и неподбитое орудіе съ величайшимъ трудомъ бралось на передокъ, надобно было переложить его на запасный лафетъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣло сіе было невозможное! Но какихъ чудесъ не дѣлали солдаты Русскіе! « *Ребята*! сказалъ Генералъ Красовскій, « *спасайте пушку*! *За мною*! *впередъ*! *ура*! — Всѣ заревѣли: *ура*! и кинулись на штыки. Пѣхота и кавалерія Персіянъ смѣшались, подались назадъ — вновь наступили, егеря опять *ура*, опять подали ихъ назадъ... Между тѣмъ орудіе положено на запасной лафетъ, и взятое на передокъ спускалось на дорогу.

Тѣмъ временемъ, какъ сіе ужасное обстоятельство, примѣрною неустрашимостію и личнымъ присутствіемъ Генерала Красовскаго было остановлено, отодвинуто и поправлено, Генералъ замѣтилъ, что съ лѣвой стороны дороги я, съ двумя легкими орудіями, при небольшомъ прикрытіи, съ трудомъ удерживалъ бѣснующіяся толпы кавалеріи, прискакалъ ко мнѣ, и ободря солдатъ, приказалъ еще сдѣлать два выстрѣла и потомъ, взявъ на передки, отступать. Вдругъ густая толпа непріятельской кавалеріи, какъ

вихрь понеслась на мои орудія; впереди ея, на чрезвычайно легкой лошади, въ красномъ плащѣ и съ краснымъ въ рукахъ знаменемъ, несся начальникъ ихъ, вѣроятно, какой нибудь Ханъ; во ожиданіи пока вся его толпа соединится съ нимъ, онъ остановился на бугрѣ. Я оробѣлъ: бугоръ отъ орудія былъ не далѣе пистолетнаго выстрѣла; канониры почти уже безъ силъ, прикрытіе не большое — 35-ть человѣкъ: легко можно было потерять обѣ пушки. Но прежде чѣмъ Персіяне рѣшились броситься на орудіе, Генералъ Красовскій, съ 20-ю человѣками стрѣлковъ, поспѣвалъ къ бугру; по немъ сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, наши стрѣлки отвѣчали имъ — и Персіянъ какъ не бывало. Оставя бугоръ, вся толпа опять, какъ бѣшеные, понеслись впередъ вдоль лѣвыхъ фланговъ нашихъ колоннъ. Я взялъ орудія на передокъ и отступилъ на слѣдующую высоту.

Персидская артиллерія, уже до 20-орудій, наступая, гремѣла вдоль нашего обоза и подбивая некоторыя изъ повозокъ и патронныхъ ящиковъ, разстроивала порядокъ движенія.

Наконецъ, древній Армянскій монастырь Эчміадзинъ, важнѣйшая причина нашего предпріятія, со всѣми своими красивыми окрестностями, какъ на ладонѣ открылся передъ нами и, о счастіе! на всей его пространной долинѣ не было ни одного Персидскаго Сарбаза!

Сію-же минуту Генералъ Красовскій приказалъ

двумъ передовымъ колоннамъ, кромѣ двухъ ротъ 39-го егерьскаго и двухъ Крымскаго полковъ, взятымъ предъ симъ на подкрѣпленіе арріергарда, всѣ обозы для очищенія дороги поспѣшнѣе пропустить впередъ, охраняя оный отъ Персидской кавалеріи; а двумъ среднимъ колоннамъ, презрѣвъ непріятельскую кавалерію, налегающую на нихъ съ фланговъ, остановиться, и дождавшись едва дѣйствующаго арріергарда, подкрѣпить оный, и отступая вмѣстѣ, отражать непріятеля.

До сихъ поръ потеря наша, убитыми и ранеными, состояла не болѣе, какъ въ 150-ти человѣкахъ и въ нѣсколькихъ подбитыхъ и брошенныхъ повозкахъ.

Изнеможенный арріергардъ, подкрѣпленный утомленными ротами и двумя средними колоннами, спускаясь на долину Эчміадзинскую, былъ встрѣченъ непріятельскою пѣхотою, высыпавшею изъ-за скалистаго бугра, на ружейный выстрѣлъ отъ дороги съ правой стороны. Но дѣйствіе было почти безвредное и мгновенное, ибо одно конно-казацкое и два легкихъ орудія, спустившись подъ гору, тотчасъ сняли съ передковъ, и лишь непріятельскія колоны показались изъ-за бугра и открыли по нашему арріергарду огонь, всѣ при орудіи начали въ нихъ сыпать картечью; Персіяне опять отступили за бугоръ. Но кавалерія ихъ, напирая съ тылу и съ лѣвой стороны дороги на арріергардъ, который, такъ сказать, заслонялъ ихъ собою отъ нашей артиллеріи, часъ отъ часу становилась

смѣлѣе, и хотя нѣкоторые изъ наѣздниковъ, врубившись въ колонны, заплатили за дерзость свою жизнiю; но остальные, видя, что, наши солдаты отъ совершеннаго изнеможенiя силъ, одни стрѣляли изрѣдка, другiе едва могли нести ружья, а третьи падали безъ чувствъ на землю, не переставали быть дерзкими.

Непрiятельская артиллерiя, дойдя до послѣдняго спуска, въ 4-хъ верстахъ отъ монастыря, остановилась, и не смѣя спуститься внизъ на дорогу, не могла дѣйствовать не вредя своимъ; пѣхота ихъ, также сойдя на долину, легла отъ усталости. Кавалерiя-же, на измученныхъ лошадяхъ, не переставала безпокоить слабо отстрѣливающагося аррiергарда, въ прочемъ не дѣлая значительнаго вреда.

На пространствѣ 3-хъ верстъ отъ монастыря, черезъ дорогу и въ параллель оной, отъ рѣки Абараня, для наполненiя луговъ, протекаютъ искуственные ручейки. Предъ первымъ, изъ нихъ, несмотря на совершенное изнеможенiе отряда, уже нѣсколько разстроившагося въ прежнемъ своемъ порядкѣ, опять всѣ коллонны вновь устроились и хотя слабо, но все еще отражали многочисленную непрiятельскую кавалерiю, окружавшую насъ со всѣхъ сторонъ. Но потомъ, когда колонны отступили за первый ручеекъ, за коимъ еще, въ разныхъ направленiяхъ, протекали другiе, тогда нашъ уронъ былъ значителенъ: двенадцать часовъ

не имѣя во рту капли воды, палимые огненными лучами раскаленнаго солнца, въ полной аммуницiи сражаясь одинъ противъ десяти 9 часовъ и отъ изнеможенiя едва движущiеся солдаты бросились къ ручьямъ, въ самые ручьи, и унизавъ берега ихъ собою, охотнѣе разставались съ жизнiю, чѣмъ съ глоткомъ теплой и мутной воды.

Персидская кавалерiя, или точнѣе сказать, гнусные варвары, по три, по четыре человѣка бросались на одного солдата, замертво лежащаго у ручья, и отрубивъ ему голову, отнимали ее одинъ у другаго съ дракою, и наконецъ сильнѣйшiй изъ нихъ, оспоривъ безчеловѣчную добычу, спѣшилъ съ нею къ Аббасъ-Мирзѣ, для полученiя отъ него условленной платы!

Но сiе злодѣйство еще при началѣ своемъ было остановлено громомъ девяти нашихъ орудiй (четыре стрѣляли со стѣнъ монастыря), открывшихъ огонь чрезъ нашъ арьiергардъ, смѣшавшiйся съ Персидскою кавалерiею. Варвары оробѣли и бросились скакать назадъ къ своимъ, къ подошвѣ горы. Симъ кончилось сраженiе 17-го Августа, начавшееся въ 7 часовъ утра и безпрерывно продолжавшееся до 4-хъ часовъ вечера.

Едва дотащившiеся до Эчмiадзина солдаты, во всей аммуницiи, съ ружьями въ рукахъ, замертво повалились подъ тѣнiю высокихъ стѣнъ монастыря. Часа черезъ два, когда уже приказано было войскамъ войдти внутрь монастыря, пять

стерей найдены не живыми: они не были ранены, въ сумахъ ихъ не было ни одного патрона; храбрые, съ оружіемъ въ рукахъ, умерли отъ истощенія силъ!

Во время сего сраженія подъ Генераломъ Красовскимъ убито двѣ лошади, самъ онъ получилъ отъ ядра сильную контузію въ правую руку, съ поврежденіемъ кости. Командиръ Крымскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ Головинъ простреленъ тремя пулями. Головинъ былъ храбръ, молодъ, прекрасно образованъ и всѣми любимъ душевно. Другой штабъ-офицеръ, Маіоръ Бѣлозеръ, погибъ отъ своего человѣколюбія. Во все время сраженія командуя въ арріергардѣ батальономъ 40-го егерскаго полка, онъ, еще при началѣ сраженія, отдалъ свою верховую лошадь тяжело раненому офицеру. Офицеръ спасся, а Маіоръ, ни на минуту не оставляя батальона, и будучи слабаго здоровья, вскорѣ утомился до такой степени, что его уже должны были поддерживать и вести два карабинера. Напослѣдокъ, спустившись на долину, онъ совершенно изнемогъ; карабинеры, ведущіе его, также утомившись, отставали отъ батальона; непріятельская кавалерія налегала — спасенія не было. Бѣлозеръ сѣлъ на камень, вынулъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, и отдавъ карабинерамъ, помогавшимъ ему идти, сказалъ имъ: *Спасибо вамъ, ребята, за усердіе; спасайтесь, иначе и вы погибнете со мною.* —

Персiяне наскакали, сняли съ него эполеты, платье, и отрубили голову...

Никогда еще Персiяне не дрались съ Рускими съ такимъ ожесточенiемъ, какъ при *Ушаганѣ* 17-го Августа. Мало того, что Аббасъ-Мирза, показавъ 30-ти тысячному своему корпусу на нашъ маленькiй отрядъ, ободрилъ ихъ превосходствомъ силъ своихъ, артиллерiею, выгоднѣйшими возвышенiями и укрѣпленною горою, близь коей намъ *неминуемо* должно было слѣдовать, но еще, что всего важнѣе для корыстолюбивыхъ его войскъ, обѣщалъ каждому своему воину за Русскую голову давать по 10 червонныхъ!

Аббасъ-Мирза, имѣя дурныя войска, зная свои плохiя обстоятельства въ отношенiи цѣлой войны, и важность послѣдняго своего предпрiятiя противъ нашего блокаднаго отряда, дѣйствительно готовъ былъ жертвовать всѣми своими сокровищами — и нѣчего было ему дѣлать! ибо прошлаго 1826-го года 13-го Сентября, имѣя до 70-ти тысячь войска, онъ, при Елисаветполѣ, былъ разбитъ Генераломъ Паскевичемъ и со стыдомъ прогнанъ во свояси. Послѣ сего Аббасъ-Мирза, кипя мщенiемъ, всю зиму и первые 5 мѣсяцовъ нынѣшняго (1827) года, съ усилiями сформировалъ себѣ новое, тоже до 70-ти тысячь, войско, и — употребилъ его, какъ нельзя хуже. Съ Апрѣля мѣсяца по Iюнь позволилъ онъ нашему небольшому авангарду, подъ командою Генерала Бенкен-

дорогѣ, занять монастырь Эчмiадзинъ, и во все время содержать Эривань въ тѣсной блокадѣ. Тѣмъ временемъ, всѣ наши транспорты изъ Джелалъ-Оглу, прикрываемые, не болѣе какъ пѣхотнымъ баталiономъ, одинъ по другомъ, въ горахъ, тянулись къ монастырю безпрепятственно, и вскорѣ основали въ ономъ слишкомъ для 700 человѣкъ гошпиталь, устроили для военныхъ и съѣстныхъ припасовъ магазины, и потомъ укрѣпили его пушками. Наконецъ Генералъ Паскевичъ, пройдя Нахичевань, явился у крѣпости Аббасъ-Абада, обложилъ ее и началъ осаждать. Тогда только, то есть 3-го Iюня, Аббасъ-Мирза, съ 16-ю тысячами лучшей своей кавалерiи прискакалъ было для спасенiя крѣпости, но поздно: Генералъ Паскевичъ, не переставая громить крѣпость, съ частiю своего войска переправился за Араксъ, атаковалъ, прогналъ Аббасъ-Мирзу и, почти въ его глазахъ, взялъ Аббасъ-Абадъ, оставилъ въ ней небольшой гарнизонъ, отступилъ въ горы въ Кара-баба, чтобы тамъ въ прохладѣ, на изобильныхъ пастбищахъ, пережидать время несноснаго жара.

Послѣ сей, другой неудачной встрѣчи съ Паскевичемъ, Аббасъ-Мирза разстроился въ своихъ планахъ, потерялся въ надеждахъ; войскомъ его, и безъ того уже робкимъ, овладѣли унынiе, страхъ. При сихъ обстоятельствахъ, Аббасъ-Мирза и подумать

не смѣлъ съ огромными своими силами атаковать Паскевича, расположившагося въ Кара-баба.

Между тѣмъ, послѣдняя и лучшая изъ надеждъ Аббасъ-Мирзы и его войска, высокія, двойныя и толстыя стѣны Эривани — были угрожаемы нашею осадною артиллеріею, уже собравшеюся въ Джелалъ-Оглу. Съ разрушеніемъ стѣнъ непобѣдимой крѣпости (такъ думали всѣ Персіане о Эривани), Аббасъ-Мирза потерялъ-бы и послѣднюю къ себѣ довѣренность отца своего Шаха и народа, безъ того уже недовольныхъ началомъ сей войны. — Надобно было торопиться предупредить сіе послѣднее несчастіе. Такъ и сдѣлано: 30 тысячь отборныхъ войскъ пѣхоты и конницы, съ 22-мя орудіями, бросились къ Эривани, съ тѣмъ, чтобы разрушить важнѣйшее наше на пространныхъ полахъ Эчміадзина пристанище—монастырь; потомъ разбить небольшой блокадный нашъ отрядъ, расположенный въ горахъ при *Джингули*, и послѣ этого истребить нашу осадную артиллерію. Мысль прекрасная, распоряженія, какъ мы видѣли изъ преждеписаннаго, тоже были очень хорошія; можно сказать, что всѣ выгоды были на сторонѣ Аббасъ-Мирзы, и что намѣреніе его, если-бъ онъ имѣлъ войско Европейское, увѣнчалось-бы совершеннымъ успѣхомъ; но Генералъ Красовскій, съ 3-мя тысячами солдатъ. и двенадцатью орудіями, въ продолженіе 9-ти часовъ — отчаяннаго съ обѣихъ сторонъ сраженія — разрушилъ вѣрные планы Аб-

басъ-Мирзы и разстроилъ его 30 тысячное войско. Аб. М. тотчасъ послѣ сраженія грозилъ на третій день, 19-го числа, окружить Эчміадзинъ и истребить его, со всѣмъ находящимся тамъ гарнизономъ до основанія. Но потомъ, повѣривъ себя и не досчитавшись у себя 5-ти тысячъ человѣкъ, онъ оставилъ свое грозное намѣреніе и крѣпкую при Ушаганѣ позицію. 19-го Августа, Аббасъ-Мирза перенесъ свой лагерь на лѣвую сторону рѣки Занги, въ 15-ти верстахъ отъ крѣпости Эривани, позади горъ, окружающихъ лагерь нашъ при Джингули. Съ горы Карны-ярыхъ намъ видна была и пѣхота его, окопавшаяся надъ самымъ берегомъ Занги, и кавалерія, разсыпавшаяся по всему берегу рѣки.

18-го Августа, поздно вечеромъ, съ послѣдними орудіями осадной артиллеріи, прибыли въ лагерь и послѣднія роты Кабардинскаго пѣхотнаго полка, который, на другой день поздно вечеромъ, по приказанію Генерала Красовскаго, выступилъ для соединенія съ нимъ къ Эчміадзину.

Осадная артиллерія шла съ безконечнымъ своимъ паркомъ. При ней было до 1000 разнаго рода повозокъ. Тягости, оставшіяся послѣ пяти полковъ, длинная улица изъ маркитантскихъ арбъ, подъ тѣнію большихъ разноцвѣтныхъ намётовъ, въ каждомъ полку большіе сараи, устроенные для больныхъ, огромные скирды сѣна, множество воловъ, лошадей и, послѣ ушедшихъ налегкѣ полковъ, длинные ряды палатокъ, дѣлали лагерь, издали,

съ горъ, обширнымъ, страшнымъ и красивымъ. Онъ точно былъ обширенъ, красивъ, но не страшенъ вблизи, ибо для защиты его, подъ командою Генералъ Маiора Берхмана, осталось — одинъ баталiонъ, до 500 человѣкъ, Крымскаго пѣхотнаго полка, 4 батарейныхъ и три легкихъ орудiя, и три сотни слабоконныхъ казаковъ.

Генералъ Маiоръ Берхманнъ, предполагая, что прежде, чѣмъ Генералъ Красовскiй, соединившись въ Эчмiадзинѣ съ Кабардинскимъ полкомъ, возвратится въ Джингули, будетъ онъ аттакованъ сильно, и самимъ Аббасъ-Мирзою, взялъ всевозможныя предосторожности: вооружилъ всѣхъ находившихся въ лагерѣ нестроевыхъ людей, и даже больныхъ-*охотниковъ*, могущихъ, хотя слабо, дѣйствовать ружьемъ; набралъ до 300 человѣкъ Армянъ и Грузиновъ-маркитантовъ, и чтобы придать имъ болѣе *смѣлости* защищать свою собственность, назначилъ имъ мѣста въ *оврагахъ*, *рытвинахъ* и *за каменьями*. Восемь полупудовыхъ единороговъ, прибывшихъ съ осадною артиллерiею и семь оставшихся отъ 20-й арт. бригады, были разставлены вокругъ лагеря; большая половина баталiона въ одну шеренгу, повзводно, эшалонами, должны были, въ случаѣ аттаки, выстроиться на лѣвомъ флангѣ, и вообще на лѣвомъ флангѣ лагеря было всего больше — и артиллерiи, и нестроевыхъ и маркитантовъ Персiяне съ этой только стороны могли аттаковать насъ.

Августа 20-го, въ 10 часовъ утра, на всѣхъ возвышеніяхъ, окружавшихъ нашъ лагерь съ лѣваго фланга, показалось много непріятельской кавалеріи, и вскорѣ, большими толпами, начала она спускаться къ нему. Одна изъ кучь непріятельской кавалеріи, менѣе, но *пестрѣе* и *нарядпѣе* другихъ, остановясь на полуотлогости горы *Карны-ярыхъ*, окружала самаго Аббасъ-Мирзу, прочія-же, чѣмъ ближе подъѣзжали къ лагерю, тѣмъ движеніе ихъ становилось медленнѣе, неохотнѣе. Наконецъ, когда непріятельская кавалерія приблизилась на хорошій пушечный выстрѣлъ, сдѣлано изъ лагеря, одинъ по другомъ, четыре выстрѣла, и всѣ толпы Персіянъ бросились назадъ въ горы, за горы, и ускакали въ свой лагерь: этимъ кончилась атака!

Въ этотъ-же день, по полудни въ 4 часа, Генералъ Красовскій съ отрядомъ возвратился въ лагерь, оставя въ монастырѣ 40-й егерскій полкъ.

До 3-го Сентября, Аббасъ-Мирза жилъ въ своемъ, укрѣпленномъ надъ Зангою, лагерѣ и почти ничего не предпринималъ противъ нашего отряда; до 6-ти тысячь его кавалеріи таскалось въ нашихъ границахъ, около Гумры и Джелалъ-Оглу нападая на стада овецъ, воловъ, лошадей — и только. Отрядъ нашъ начиналъ нуждаться въ продовольствіи. Баталіонъ, посланный въ Джелалъ-Оглу, для прикрытія и доставленія въ лагерь

большаго транспорта съ провіантомъ, но причинѣ испортившейся отъ проливныхъ дождей дороги, тянулся чрезъ Безобдалъ весьма медленно; Аббасъ-Мирза, узнавъ объ этомъ, послалъ для уничтоженія транспорта, 3 тысячи кавалеріи; но прежде чѣмъ исполнилось его намѣреніе, онъ узнаетъ, что Генералъ Паскевичъ, съ большею частію своего войска, идетъ къ Эривани. Тутъ Абб. М. возвратилъ посланную кавалерію, и бросился за Араксъ. Около половины мѣсяца Сентября, отрядъ нашъ, со всею осадною артиллеріею, соединился съ отрядомъ корпуснаго командира въ Эчміадзинѣ; и 19-го, была взята крѣпость Сардаръ-Абадъ, а 1го Октября — Эривань!